

Пожары повсюду

Пожар бушевал всю ночь и утих лишь к рассвету.

Опасаясь, что циские войска отступили лишь для видимости, готовя засаду, воины Гуйжун не стали преследовать Юань Чэ. Вместо этого они оцепили столицу, тщательно прочесывая каждый закоулок, и лишь убедившись в безопасности, отправили часть сил в город — наводить порядок.

Услышав с улицы шаги, притаившиеся в домах жители царства Ли осторожно приоткрыли оконные створки, вглядываясь в щели.

Пленных ополченцев гуйжунцы отпустили по домам.

Уянь, с лицом, перемазанным сажей, только-только получил у походных котлов два пышных белых маньтоу на завтрак. Обернувшись, он наткнулся на взгляд одного из ополченцев — тот смотрел на хлеб, буквально истекая слюной.

— Ты чего? — Уянь перевел взгляд с маньтоу на парня. — Вас что, цисцы вообще не кормили?

Ополченец закивал так часто, едва голова не отвалилась.

— Ладно уж, — со вздохом протянул Уянь, скрепя сердце отламывая кусок. — Держи поменьше.

Но стоило ополченцу взять хлеб, как все голодные взгляды в радиусе нескольких шагов разом скрестились на Уяне.

Испугавшись, тот прижал уцелевший маньтоу к груди, мгновенно отступил на три шага назад и напряг спину, готовый защищать свою добычу.

В этот момент кто-то тяжело опустил руку ему на плечо. Уянь резко обернулся и увидел запыхавшегося Чжото, который упирался ладонями в колени, переводя дух.

— Уф... Ну и прыть у тебя, парень! Кричу тебе, кричу — хоть бы ухом повел. Ну-ка, помоги раздать.

За его спиной стояли плетеные короба, прикрытые мешковиной, из-под которой струился упоительный аромат свежего хлеба. Заметив, что Уянь ошеломлен, Чжото усмехнулся:

— Не понимаешь? Это личное распоряжение господина канцлера. Помощь в беде — дороже

золота. Мы ведь ради этого столько кругов нарезали... Эй, ты чего творишь?!

Не успел Чжото договорить, как Уянь присел на корточки, выудил из короба несколько самых крупных маньтоу, завернул их в промасленную бумагу вместе со своим остатком и выпалил:

— Поручи это кому-нибудь другому! Его Величество и господин Шэнь со вчерашнего дня маковой росинки во рту не держали. Я отнесу им!

Не дожидаясь ответа, он легко, словно леопард, перемахнул через ограду и скрылся из виду быстрее, чем Чжото успел открыть рот.

Чжото лишь покачал головой. «Дались им твои маньтоу, у поисковых отрядов и так все с собой», — подумал он, но вслух ничего не сказал, лишь с улыбкой проводил взглядом стремительную фигуру юноши. То, что простые воины искренне преданны императору и канцлеру, согревало душу. В будущем это убережет двор от раздоров.

Довольно погладив бороду, Чжото сощурился от удовольствия и принялся раздавать указания. Сперва горячий хлеб раздали ополченцам, а затем, поборов страх, на улицу потянулись и обычные горожане.

Вскоре на дорогах выстроились длинные очереди. Люди переговаривались, с удивлением замечая, что свирепые северные варвары из слухов на деле оказались вполне миролюбивыми и даже заботливыми.

По крайней мере, прежний правитель, князь Ли, никогда не думал о том, сыты ли его подданные, когда после очередного разорения закрывались все лавки.

Резиденция князя Ли превратилась в дымящиеся руины.

В самый последний миг, когда все рушилось, Юань Чэ крепко прижал Шэнь Чжиюя к себе и укрылся в неприметной нише под завалами.

Сверху их намертво запечатало грудой обломков, тяжелых балок и полуобгоревших перекрытий. Света сюда проникало ничтожно мало, а воздух сквозь толщу пыли и пепла сочился с трудом, отчего дышать становилось все тяжелее. Единственным спасением было то, что само укрытие оказалось относительно просторным: если прижаться друг к другу плотнее, здесь вполне можно было лежать двоим.

Похоже, от удара взрывной волны Юань Чэ ненадолго потерял сознание. Сколько времени он провел в забытии, определить под завалами было невозможно, но сквозь щели уже брезжил бледный утренний свет.

Очнулся он мгновенно. Тело сразу напряглось, готовое к бою. Дрожащими пальцами он коснулся лица Шэнь Чжиюя, лежащего на его груди. Почувствовав под пальцами слабое, но ровное дыхание, Юань Чэ шумно выдохнул и бессильно откинулся назад, на обломки. Заведя свободную руку за голову и сжав переносицу, он мысленно прокрутил в голове безумие вчерашнего дня и емко выругался:

— Блядь...

Чуть душу не испустил. Это выше человеческих сил — если не убьет усталость, то точно разорвется сердце от страха за чужую жизнь.

Немного придя в себя после этой эмоциональной бури, Юань Чэ осторожно поерзал, устраиваясь поудобнее, чтобы Шэнь Чжиюю было мягче лежать на его плече. Шэнь Чжиюй едва заметно застонал от этого движения. Юань Чэ тут же замер и принялся ласково поглаживать его по спине, тихо приговаривая совсем не свойственным ему мягким тоном:

— Тише, все хорошо... Больше не больно. Скоро мы выберемся, я велю приготовить для тебя самое лучшее...

Но тут до него дошло: резиденцию-то взорвал сам этот несносный человек! На лбу Юань Чэ вздулась вена. Ему отчаянно хотелось встряхнуть канцлера и как следует отчитать, но смелости не хватило. Поколебавшись, он решил обойтись малым ради спасения остатков императорского достоинства: протянул руку и чувствительно ущипнул Шэнь Чжиюя за щеку.

Шэнь Чжиюй очнулся от невыносимого жара. Ему казалось, будто он лежит на растопленной печи.

Зрение возвращалось медленно. Сквозь мутную пелену он сумел различить лишь резкие очертания лица Юань Чэ, так похожего на того мальчика из далеких воспоминаний. Шэнь Чжиюй потянулся к нему, желая коснуться щеки, но неосторожное движение отозвалось резкой болью в раненом плече.

— Сс... — сорвался с его губ невольный стон.

Юань Чэ, успевший задремать, мгновенно распахнул глаза.

Их взгляды встретились.

— Раз чувствуешь боль, чего дергаешься? Лежи смирно, — Юань Чэ намеренно напустил на себя суровый вид. Он решил держаться строго, чтобы у этого сумасшедшего впредь не возникало желания взрывать все подряд.

Шэнь Чжиюй растерялся. Он действительно опешил и лишь удивленно захлопал сухими

ресницами.

Вид у него был настолько невинный и обиженный, что Юань Чэ не выдержал. Он поспешно отвел взгляд и натянуто кашлянул:

— И нечего так смотреть. Предупреждаю: если еще хоть раз устроишь нечто подобное, я запроу тебя в резиденции канцлера, и носа на улицу не покажешь.

Шэнь Чжияй тихонько рассмеялся.

— Смешно тебе? — буркнул Юань Чэ. — А ну прекрати! Я серьезно!

Шэнь Чжияй слишком долго вращался в придворных кругах. Помимо плетения интриг, его главным талантом всегда было умение читать людей. Кто злится всерьез, кто лишь притворяется, а у кого за вежливой улыбкой прячется кинжал — в искусстве разгадывать чужие маски с ним не сравнился бы никто в Великой Чу.

Взгляд Юань Чэ метался из стороны в сторону, голос звучал неестественно громко, а главное — его рука по-прежнему крепко и надежно сжимала талию Шэнь Чжияя, не позволяя соскользнуть...

Что и требовалось доказать: чистой воды притворство.

В голове канцлера мгновенно созрел хитрый план. Проигнорировав напускную угрозу, он опустил голову и прижался щекой к плечу Юань Чэ, погрузившись в молчание.

Три.

Два.

Один.

— Чжияй, ну что опять? — Юань Чэ, как и ожидалось, сдался без боя. От былой суровости не осталось и следа. Боясь потревожить раны возлюбленного, он замер и с тревогой спросил: — Не молчи. Тебе плохо? Где болит?

Он попытался нащупать в складках одежды костяной свисток, чтобы призвать волков и ускорить их спасение.

Сдерживая улыбку, Шэнь Чжияй едва слышно прошептал:

— Больно...

— Где болит?

— Везде.

— Как это — везде? Скажи толком, что именно?

— Плечо, нога... А рука сильнее всего. Кажется, сустав вылетел.

Юань Чэ скосил глаза и увидел, что левое предплечье Шэнь Чжиюя действительно вывернуто под неестественным углом. Сердце императора пропустило удар.

— Попробуй сам достать свисток, у меня руки зажаты.

Шэнь Чжиюй на секунду задумался, а затем медленно запустил уцелевшую правую руку под воротник Юань Чэ. Это простое, ленивое поисковое движение отозвалось в теле императора жаркой волной, будто в сухой траве развели костер. На лбу Юань Чэ вновь проступила вена, пока виновник этого смятения неторопливо подцеплял пальцами шнурок и вытягивал свисток наружу.

Юань Чэ перехватил его запястье и хрипло выдохнул:

— Ты издеваешься надо мной? Мало тебе пожаров вокруг?

Он потянулся было за свистком, но Шэнь Чжиюй ловко сжал его в ладони.

— Не спешите, — Шэнь Чжиюй устроил подбородок на его груди. Жалобные нотки в его голосе растаяли, и раненая лиса вновь обратилась искушенным, хитрым зверем. — Случай редкий, и у меня есть пара вопросов к Вашему Величеству.

— Ах ты, мерзавец, опять притворялся! — Юань Чэ в досаде заскрежетал зубами. Ему казалось, что в этих тонких пальцах зажат не костяной свисток, а его собственное сердце. — И как только у господина канцлера, при всей его учености, совести хватает разыгрывать несчастную овечку?

— Именно потому, что я читал эту сказку, я и знаю: волк обязательно придет, — Шэнь Чжиюй прищурился, сделав особое ударение на слове «волк».

— Ладно, — выдохнул Юань Чэ. — Спрашивай.

Получив дозволение, Шэнь Чжияй мгновенно посерьезнел:

— Позвольте мне дерзость, Ваше Величество. Вы ведь жили в Срединной равнине в детстве? В качестве заложника?

Атмосфера в тесном укрытии мгновенно переменилась.

Если бы не этот вопрос, Юань Чэ и сам бы не вспомнил — те времена казались ему событиями прошлой жизни.

Более десяти лет назад на северные земли обрушился небывалый, жестокий буран. Почти все скудные посеы кочевников погибли под толщей снега. Наступил страшный голод. Еды не хватало людям, что уж говорить о зверях — волчицы не могли выкормить потомство, и волчата гибли один за другим.

Над племенем нависла угроза полного вымирания. Тогда старый шаман пришел к тогдашнему королю волков — отцу Юань Чэ. Он напомнил, что за горами Татеса лежит богатая Срединная равнина, защищенная горами от ледяных ветров, где закрома ломятся от зерна. Но... старик замялся.

В те годы ослабленный Север не мог тягаться силой с Великой Чу. Совершить привычный набег под предлогом выпаса коней и силой отобрать припасы было невозможно.

Обменять заложника на продовольствие — таков был их единственный выход.

У старого правителя было двое сыновей. Старшему исполнилось пятнадцать, он уже помогал отцу объединять разрозненные кочевья. Младшему же, Юань Чэ, едва пошел пятый год.

Отцу было невыносимо отсылать ребенка на чужбину. Но прежде всего он был вождем. Его люди гибли от стужи и голода, моля своего вожака о спасении.

«Иди ко мне, Чэ-эр», — старый волчий король усадил малыша на свои широкие колени. — «Ты отправляешься туда, чтобы спасти свой народ. Это великий подвиг. Потерпи три года, а когда вернешься, отец подарит тебе личную армию».

Юань Чэ рос незлобивым и простым ребенком, потому никакой обиды не затаил. Для него эта поездка была просто трехлетним приключением в чужих краях. Он даже не замечал, как местная знать и дворцовые слуги обделяли его и издевались за спиной. Зато в те три года он встретил Шэнь Чжияя, а по возвращении на родину получил в свои руки основу будущей непобедимой армии Гуйжун.

Разве это плохая сделка?

Юань Чэ помнил могучие руки своего отца — они всегда были для него эталоном силы. Чтобы поскорее вырасти и возмужать, он в детстве литрами пил молоко и тоннами ел творожные лепешки, отчего от него за версту разило кислым молоком.

Теперь его собственные руки ничуть не уступали отцовским ни в силе, ни в ширине плеч.

— Было дело, — с улыбкой отозвался Юань Чэ, погружаясь в воспоминания. — Я тогда вечно за вами хвостом таскался. Ростом не вышел, вот меня никто и не замечал. Помнишь, как вы однажды поехали за город на прогулку и напрочь забыли посадить меня в повозку? Мне пришлось трястись следом на крошечном пони... Ха-ха, я тогда еще чуть в трех соснах не заблудился.

— Спасибо, — тихо прервал его Шэнь Чжияй.

Неожиданная благодарность сбила Юань Чэ с толку. Он даже запнулся:

— А? За что спасибо?

— За многое, — мягко ответил Шэнь Чжияй.

За ту морозную ночь, когда Юань Чэ услышал его крик о помощи и перемахнул через дворцовую стену.

За то, как он без колебаний бросился в бурный речной поток, спасая его жизнь.

И за все те случаи, о которых Шэнь Чжияй, возможно, уже и не помнил.

Из прошлой жизни в нынешнюю — эта благодарность слишком долго искала своего адресата.

В тесном полумраке, где сквозь щели пробивались лишь блеклые лучи, их дыхание сливалось в одно. Каждое слово звучало интимным полупшепотом прямо у самого уха. Если бы они, как обычно, препирались или подначивали друг друга, все было бы проще, но внезапная серьезность канцлера заставила Юань Чэ смутиться.

Он отвел взгляд и попытался вернуть беседе прежний небрежный тон:

— Ну полно тебе, дело прошлое... Если так уж хочешь отблагодарить, лучше пообещай, что...

Договорить он не успел. В блеклом свете, пробивающемся сквозь обломки крыши, Юань Чэ заметил испарину, крупными каплями выступившую на лбу Шэнь Чжияя.

В голове императора что-то щелкнуло.

Нет. Здесь что-то не так!

— Что пообещать? — недоуменно спросил Шэнь Чжияй.

Стоило ему приподнять голову, как Юань Чэ перехватил его за подбородок — властно, жестко, но бережно, не причиняя боли, и заставил посмотреть себе в глаза.

Взгляд императора сделался острым, как два клинка. Он словно пытался вспороть всю эту паутину лжи и красивых речей, чтобы добраться до самой сути, до костей и крови стоящего перед ним человека.

— Шэнь Чжияй, — процедил Юань Чэ, и голос его упал до опасного шепота. — Скажи мне... Если бы князь Ци не явился вчера, как именно ты собирался передать мне власть над царством Ли?

Не дав канцлеру вставить ни слова, он стиснул зубы и отдельно, с ледяной яростью выплюнул:

— Ты ведь так и не раскрыл мне вторую половину своего замысла. Собирался утащить князя Ли с собой в могилу? Надеялся на то, что вы взлетите на воздух вместе?

На этот раз Юань Чэ пришел в настоящую ярость.

<http://bllate.org/book/20512/2167490>